

Слова едва успели покинуть его рот, как он начал действовать. Очевидной и реальной опасностью был Лонгботтом, не только имевший опыт многих приключений и Турнира, но и прославившийся как лучший дуэлянт своего года - что было бы правдой, если бы Гарри не проваливал своё выступление, чтобы сохранить прикрытие, - но ещё и с палочкой, воткнутой ему в шею.

С Уизли проблем почти не было, но он хотел окончательно унижить Лонгботтота, поэтому оптимальным вариантом было бы сначала расправиться с рыжим.

Полагаясь на то, что у Невилла нет опыта в бессловесной магии, он с силой ударил гриффиндорца рукой в локтевую ямку, почти полностью обезоружив его от сильного удара. Когда Лонгботтом на пару секунд потерял сознание, Гарри направил свою палочку на окаменевшего Уизли.

"Ступефай!"

Гарри постарался, чтобы заклинание было как можно слабее - он не хотел причинять рыжему боль. Однако силы заклинания всё равно хватило, чтобы отбросить его на несколько футов назад, и когда Гарри понял, что сейчас произойдёт, он наложил небольшие амортизирующие чары на пол, куда и упало бессознательное тело Уизли.

"Рон!" - закричала Гермиона, тут же опустившись на колени рядом с ним самым драматическим образом, который Гарри только видел.

"Двое на одного", - заметил он Лонгботтоту, не обращая внимания на то, что все гриффиндорцы без нужды сгрудились вокруг Уизли, и на шокированное молчание Слизеринцев. "В следующий раз берите с собой побольше ребят, ладно? Это слишком просто".

Щеки Невилла покраснелись, а глаза стали почти дикими. "Экспеллиармус! Ступефай! Инкарцерус!"

Гарри легко уклонился от первого заклинания и заблокировал два других, не забыв при этом произнести громкие слова насмешки.

"Используем заклинания для больших мальчиков, не так ли? Я почти польщён, толстяк".

Лонгботтом завыл от ярости и наложил на него ещё два сглаза, от которых тот безупречно увернулся, причём выглядело это скорее как танец, чем как уклонение. Желая повеселиться, он наложил на него спотыкающееся заклятие. Гриффиндорец упал лицом вперед, а слизеринцы начали смеяться.

"Ты в порядке?" - насмешливо спросил Гарри. "Виноват, это было немного сложно. Должен сказать, ты меня очень разочаровал, Лонгботтом, я ожидал, что ты будешь намного лучше в этом деле. Я... честно говоря, я ошеломлен".

"Ошеломлён..."

Он остановил его быстрым заклинанием молчания. "Что? Извини, я тебя не слышу, тебе придется говорить громче".

Комнату заполнили раскаты смеха, и Гарри увидел, что даже некоторые гриффиндорцы, например, Симус и Лаванда, были позабавлены его действиями. Лонгботтом начал пытаться наложить на себя контрпроклятие, но у него ничего не получалось, поскольку он ничего не знал о невербальных заклинаниях. Казалось, Грейнджер собиралась пойти и помочь ему, но её остановили.

"Что здесь происходит?" Голос Снейпа был холодным и низким, но его было легко услышать, даже несмотря на то, как шумно было в классе. Все Слизеринцы разом перестали смеяться, а Гриффиндорцы разбежались по своим местам, надеясь уменьшить потерю баллов, о которой все знали.

"Лонгботтом и Уизли пытались напасть на нас, профессор". Дафна заговорила с нотками ликования, скрытыми под сладостью ее голоса.

"Это ложь!"

"Они не сделали ничего плохого!"

"Они называли Гермиону грязнокровкой!"

"Молчать!" - шипел Снейп, полностью заглушая шум в классе. "Патил! Томас! Грейнджер! По пять баллов с Гриффиндора каждому, еще одна попытка сорвать урок, и я удвою их".

Когда все успокоились, Снейп снова обратился к Гринграсс.

"Поттер встал на нашу защиту, и когда он это сделал, эти двое попытались напасть на него, но Поттер защищался, легко победив их".

Снейп поморщился и посмотрел на Поттера. "Легко, да?"

Профессор Снейп испытывал к нему острую ненависть с первого дня пребывания в Хогвартсе. Он был единственным Слизеринцем, не получившим от Снейпа патентованного снисхождения, и едва получал "Выше Ожидаемого" на уроках, не нуждаясь в снижении успеваемости. Гарри почувствовал, как в его голове зарождается язвительное замечание, но решил промолчать.

"Это правда?" - спросил мастер зелий у остальных Слизеринцев, получив в ответ бурное "Да!". Лонгботтом уже собирался что-то сказать, но Грейнджер толкнула его локтем, чтобы он замолчал.

"Очень хорошо", - проворчал Снейп, явно смущаясь. "Лонгботтом, Уизли, по двадцать баллов с Гриффиндора за то, что вы затеяли драку со своими сверстниками".

Профессор повернулся прямо к нему, его глаза анализировали его, как будто он был сложным зельем. "Поттер, десять баллов со Слизерина за участие в драке вместо того, чтобы позвать учителя".

Гарри с трудом сдержал недовольство. "Да, сэр".

"Профессор," - заговорила Грейнджер. "Рон без сознания".

"Тогда чего вы ждете? Отнесите его в лазарет!" Он рявкнул, и Гермиона кивнула, левитируя рыжую голову и покидая подземелья, но не раньше, чем одарила Гарри невероятно злым взглядом, когда проходила мимо него.

"Остальные, вернитесь на свои места! На этом уроке больше нельзя отвлекаться".

Лонгботтом даже не взглянул на него, когда тот, надувшись, вернулся на свое место, но обменялся взглядом с Паркинсон и Гринграсс, который обещал разговор сразу же после окончания урока.

В течение последующих двух часов Снейп вел себя по-особому, причем не только по отношению к Лонгботтому и Грейнджер, но и по отношению к нему самому. Казалось, что снятых с него десяти баллов недостаточно, чтобы погасить его ежедневный гнев против Поттера, и он решил удовлетворить его, заставив его постоянно переделывать зелье снова и снова и поставив ему Ужасно за весь урок.

Гарри принимал всё спокойно, хотя порой это было труднее, чем он ожидал. На занятиях у Снейпа он освоил маску бесстрастия, хотя она больше походила на страстный оскал, так как на лице не было яркого спокойствия. В каком-то смысле это была одна из самых полезных вещей, полученных на занятиях, так как она была необходима для создания его имиджа в доме. Но даже несмотря на всю практику, полученную на занятиях, сегодня ему не раз хотелось сделать одно маленькое замечание, даже если Снейп не услышал - но в итоге сдержался.

Этого хотел Снейп, и он не собирался поддаваться на его уловки, как это сделал Лонгботтом, который потерял ещё двадцать очков за то, что вступил с ним в спор.

Тонкость никогда не была одной из сильных сторон гриффиндорца, и особенно сейчас, когда Невилл становился всё более агрессивным и необдуманным. Он никогда не был таким, даже в прошлом году, когда вся школа ополчилась против него на Турнире, но, похоже, после того, что произошло на третьем задании, началась та нисходящая спираль, в которой Лонгботтом находился сейчас и которая, Гарри был уверен, закончится мощным взрывом.

После Зелий у Слизеринцев был урок Чар с Хаффлпаффцами, где единственным событием было начало урока, когда барсуки допрашивали их о том, что произошло в подземельях с Лонгботтомом, Уизли и им самим. Гарри всегда поражался тому, как быстро секреты

распространяются по школе, и этот случай не стал исключением - честно говоря, удивительно, что ему удалось сохранить в тайне местонахождение Выручай-Комнаты.

Признаться, то, что слизеринцы почти взахлёб рассказывали о дуэли хаффлпафцам, доставило ему огромное удовольствие: он сидел и слушал всё, не говоря ни слова о событии. Изредка он кивал или улыбался, но на прямой вопрос не отвечал.

Впервые в жизни Гарри почувствовал, что его наконец-то признали за что-то, и это чувство опьяняло его. Он ни за что не хотел бы возвращаться назад, раз уж ему довелось испытать нечто столь удивительное.

Следующий урок - трансфигурация с рейвенкловцами - наглядно продемонстрировал, как быстро распространяются слухи по Хогвартсу. И хотя вороны были гораздо сдержаннее в своих восхвалениях, они всё равно были пьянящими.

Когда урок закончился, Гарри остался на месте, задав несколько вопросов профессору МакГонагалл. Ему нужно было поговорить с другими Слизеринцами, но он не мог допустить, чтобы они пришли первыми и сели в другом месте, поэтому ему придётся прийти чуть позже и встретиться с ними. Он уже несколько раз пытался заговорить с ними, но Паркинсон и Гринграсс умело избегали его и лишь нахально улыбались.

<http://tl.rulate.ru/book/100416/3432084>